благоустройства. Скорее, должны ориентироваться на условия существования самого общества, его политического, социального, правового, культурного – потенциалов, которые являются базовыми для его развития и для его процветания. И, конечно, социальное моделирование невозможно без контекста геополитического горизонта, будь то непосредственное, или опосредованное включение.

Сегодня важно даже не столько теоретически и методологически, сколько практически сформировать четкое представление о глобализации как о современном феномене, воздействующем на общественную и государственно-правовую жизнь всех без исключения стран и народов. И, если современные дискуссии в большей мере затрагивают проблемы, связанные с внутренней динамикой самого процесса объединения, то, надо отметить, что проблема нерешенного конфликта целей столь же актуальна для современного этапа глобализации, который, безусловно, поставил перед человечеством много проблем. Центральной, безусловно, является проблема поиска новых форм цивилизационного развития.

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. – 470 с.
2. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П.И. Сочинения. М., Раритет, 1995.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Собр.соч. в 2-тт. Т. 1. М., Мысль, 1988.
4. Стешенко Л.А. Глобализация, национальные отношения и государственная политика России // Материалы научно-практической конференции «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ». 16 апреля 2001 г. М., 2001.
5. Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Глобализация политики и эволюция политических систем: глобальные социальные и политические проблемы в мире. М., 1997.
6. Федотова В.Г. Альтернативные прогнозы и картина мира: факторы культуры Запада и Востока // Социальные тренды XXI века и меняющиеся картины мира. Международная научная конференция. Сб. статей. Дубна, 2015. – 241 с. С. 8. (С. 6-13)
7. Беляев М.А. Технологическая и коммуникативная модели нормативной регуляции в контексте проблемы эффективности // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. № 1 (23), 2017. С. 20 (С. 3-25).
8. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.
9. Дворкин Р. О правах всерьез М.: РОССПЭН, 2004.
10. Леони Б. Свобода и закон. М., ИРИСЭН, 2008.
11. Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012.

Шульга Е.Н.

Биогерменевтика и эпистемология

*Институт философии РАН
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/lj-11-2018-86

idsp: ljjournal-11-2018-86

Аннотация

Формирование знания о природе существующего взаимодействия между науками социально-гуманитарными и биологическими связано с поиском такого подхода, который позволяет рассматривать различные объекты живой материи с единых эпистемологических (познавательных) позиций. На этом пути, как показано в данной статье, особую роль играет герменевтический подход, вскрывающий суть процесса человеческого понимания, которое является целью познания и составляет основу научной и философской деятельности. Однако все еще остается открытым вопрос отношения герменевтики к естественным наукам. И те споры, которые ведутся по поводу определения места герменевтики в системе естественнонаучного знания, делают актуальной проблему обоснования методологии философской герменевтики, в частности, по отношению к объектам живой природы.

Ключевые слова: человек, жизнь, познание, понимание, герменевтика.

Abstract

The process of forming knowledge on the nature of interaction between social-humanitarian and biological sciences relates with the quest for such an approach which allows to consider diverse objects of living nature from the unified epistemological (cognitive) positions. As it is shown in the paper, on the road to this aim the specific role belongs to hermeneutical approach disclosing the gist of the process of human understanding which is the goal of cognition and forms the basis of scientific and philosophical activity. However, the question of interrelation of hermeneutics and science is still open. And those debates holding on the determination of the place occupying by hermeneutics within the system of natural science make actual an issue of the substantiation of philosophical hermeneutics methodology, especially with respect to objects of living nature.

Key words: human being, life, cognition, understanding, hermeneutics

Человекомерность как фактор развития современной науки, характеризующий направленность исследований в области современного естествознания, в особенности, биологических наук – это тезис, который нуждается в аргументированном научном и философском обосновании. Конечно, человек всегда был в центре философских размышлений, прежде всего, в связи с проблемой жизни и всего, что сопровождает жизнь человека в обществе, в окружающей среде – природной и социальной. Вместе с тем философов интересовали и вопросы сугубо метафизического характера, раскрывающие внутренний интерес человека к вещам, далеко превосходящим его разумение, опирающееся исключительно на факты и простое наблюдение. Поэтому философски значимыми стали вопросы, касающиеся того, *что познавать, как познавать и как удостовериться* в реальности своего знания? Сформированный в недрах древнегреческой философии интерес к этим аспектам познания определил в дальнейшем весь ход развития европейской философии, находя подтверждение в различных концепциях человека, демонстрирующих устойчивую потребность в познании сущности вещей и понимании природы самого человека.

Обращенность к человеку как объекту познания, предмету изучения и, вместе с тем, как к источнику знания, проявилась в попытках конкретизировать, выразить на языке понятий и общих определений такие свойства, которые характерны для каждого человека, и при этом отвечают характеристикам самих жизненных процессов организменного (телесного) и над организменного (духовного) свойства людей. Так, Кратил – приверженец и последователь учения Гераклита – рассматривал чувственно воспринимаемое человеком в качестве единственного фактора, подтверждающего непрерывность процесса становления бытия. Тем самым чувственно воспринимаемое, согласно Кратилу, является единственным подтверждением реальности бытия и реальности полученного знания. Со своей стороны уже Сократ убежден сам и убеждает других в том, что источник мыслей следует искать в самих себе, разными способами и приемами допытываясь и припоминая то знание, которое изначально присуще человеку, что известно его душе, и что удостоверяется посредством ощущений.

Развивая этот взгляд на познание и процесс получения человеком знания, Сократ использует общие определения и при этом опирается на индуктивные рассуждения, усматривая и в тех и в других так называемые начала знания. Он соотносит порожденную (высказанную вслух) мысль собеседника с уже принятой, услышанной и при этом пытается определить, является ли эта мысль и это суждение жизнеспособным. Другими словами, возможно ли подвергнуть его сравнению, совмещая с прежде принятыми суждениями, и не является ли это суждение противоречивым, противоречащим тому, что известно. В сравнении и в сопоставлении мнений и суждений проходит процесс, который иллюстрирует то, что мы сегодня называем «преемственностью» идей и знаний человека, и это как раз то знание, которое

Платон (в частности, в диалоге «Теэтет») характеризует как истинное мнение, подкрепленное объяснением.

Греческие философы, отталкиваясь от идеи, восходящей к Протагору, который утверждал, что «человек есть мера всех вещей» соотносят ее с подходом к окружающему миру как развивающемуся и, следуя учению Гераклита и Гомера, рассуждают в категориях становящегося бытия. Эти и близкие к ним идеи в дальнейшем послужили основными ориентирами, направляющими научные и философские поиски; они явились толчком для формирования мощной традиции изучения человека, распознавания роли его когнитивных способностей, выступающих в качестве основания знания.

Так, идея «человекомерности» в совершенно новом контексте, но с определенной долей преемственности находит подтверждение и особым образом раскрывается в «философии жизни», основателем которого является Вильгельм Дильтей. С его именем, как известно, связана история дебатов немецких философов конца XIX и начала XX в. относительно деления наук о природе и наук о человеке (наук о духе). Между тем Дильтей интересен для нас тем, что различие двух указанных комплексов наук он связывает с выяснением когнитивных оснований познания. Различие, которое Дильтей выдвигает относительно организации знания, касается двух типов человеческого восприятия: *внешнее восприятие* – опирается на чувства, которые затем опосредуют дискурсивное понимание – для этого типа восприятия характерно объяснение от третьего лица, и на таком внешнем восприятии базируются все естественные науки (они исходят из опыта и внешнего наблюдения процессов и объектов природы). «Науки о природе», которые выделяет Дильтей, в самом общем их виде на первое место выдвигают *объяснение* с характерной для него логикой, направленной на познание законов Природы. Другой тип восприятия, *внутреннее восприятие* основывается на интроспекции и связано с пониманием от первого лица – на него опирается гуманитарное познание и «науки о духе», которые нацелены на понимание смысла и заняты тем, что подвергают интерпретации многообразные выражения человеческого разума.

Признавая обоснованным подобные основания для разделения и противопоставления наук, не стоит забывать, что и философия, и современное естествознание признают за мышлением и разумом человека способность связывать «нечто» в единое смысловое целое. Например, связывать в концептуальное единство содержание внешних данных опыта и наблюдения с их внутренним восприятием и осмыслением такого единства как определенной предметной целостности. Примером в этом случае могут служить «науки о жизни», в которых находит реализацию не просто комплексный, междисциплинарный подход, использующий естественнонаучные знания в их гуманитарной интерпретации применительно к пониманию жизни и сущности живого, но и разнообразные исследовательские программы, преодолевающие дихотомию естественнонаучного и гуманитарного. В том числе, например, за счет использования общих для этих наук базовых (общенаучных) понятий. К таковым относятся: система, целостность, связь, развитие, организация, свойство, взаимодействие и т. д. Эти понятия широко применяются в концептуальных построениях в так называемых науках о человеке, где принципы *восприятия* жизни и живого выстраиваются в порядке значимости по отношению к описанию и объяснению того предмета, который рассматривается как определяющий конкретное направление исследования. Другими словами, уже не *внутреннее восприятие* и/или *внешнее восприятие* человека определяет специфику познания и, соответственно, отличает науки, как это было у Дильтея, а внутренние запросы самой науки, предметно ориентированные и проблемно обоснованные, направляют ее конкретные исследовательские и теоретические поиски.

Дискредитируют ли эти изменения принцип «человекомерности» в научном познании живого, в понимании сущности живого?

Отвечая на эти вопросы, обратимся к конкретному материалу современных философских исследований, где наиболее ярко прослеживается связь традиционной эпистемологии как теории познания с герменевтикой и ее методологией. Эта связь, как будет показано дальше, во многом определяет развитие самой методологии гуманитарного познания, преодолевающей дихотомию «объяснение – понимание», в том числе, применительно к познанию биологической организации живого. С методологической точки зрения это означает поиск ответа на вопрос об отношении между эпистемологией и герменевтикой, вслед за которым встает закономерный вопрос применения герменевтического подхода в науке, например, в биологии. Заведомо допуская такую возможность, мы исходим из признания объективной реальности знания, которое может быть репрезентировано тем или иным способом, но с учетом специфики объекта научного исследования. Поэтому мы исходим из того, что научное познание начинается не случайно; оно имеет основу в виде предшествующего знания, что позволяет сопоставлять, сравнивать и анализировать имеющиеся концепции и выдвигать новые, точно следуя специфике известных нам характеристик тех ситуаций, в контексте которых решается конкретная проблема. При этом именно герменевтика учит, что, руководствуясь знанием предмета изучения и пред-пониманием тех ожиданий, которые стимулируют исследовательский поиск, ученый (интерпретатор), будучи привязанным к горизонту собственного знания и видения проблемы, может, тем не менее, столкнуться с фактом, что эмпирические данные могут привести к некоторым изменениям во внутрисистемных полаганиях также как и в допущениях, которые конституируют точки зрения и даже критерии познания.

Конечно, имеются различные точки зрения на отношение герменевтики и эпистемологии, герменевтики и науки. Одни авторы различают их и не видят связи между выдвигаемыми этими дисциплинами подходами, характеризуют эти направления исследований как разнонаправленные или же видят одну как вид другой. Другие авторы отыскивают «точки соприкосновения» между герменевтикой и наукой, между герменевтикой и эпистемологией, исходя из признания того, например, что «эпистемология является формой герменевтики» или, сверх того, «герменевтика является эпистемологией, рассматриваемой в более общем смысле». Основанием подобного взгляда является утверждение, касающееся обоснования статуса самой герменевтики, которая, на мой взгляд, принадлежит к такому же роду знания, что и эпистемология, потому что является метатеорией о том, *как мы понимаем* когнитивные утверждения общего смысла, и которые с неизбежностью появляются в естественных, социально-гуманитарных науках, и даже в теологии и метафизике.

Опуская здесь рассмотрение дебатов по поводу специфики познания в этих, в общем то разных областях знания, подчеркну, что изучение форм жизни, несомненно, связано с пониманием специфики природных жизненных проявлений на всех уровнях сложности и структурной организации живого. Процесс изучения начинается с наблюдения затакого рода процессами, предполагает их анализ, оценку и интерпретацию. Однако еще Дильтей обращал внимание на то, что не все живые существа подлежат интерпретации с целью понимания их смысла, так как не все существа на Земле обладают смыслом. Например, деревья, по мнению философа, не являются носителями смысла – деревья не обладают смысловым содержанием, важным для человеческого понимания. Это обстоятельство как раз и подчеркивает необходимость различать «науки о природе», которые направлены на *объяснение* и «науки о духе», стоящие особняком и нацеленные к *пониманию*. Пониманием наделены люди с их когнитивными способностями воспринимать мир и окружающую действительность, прежде всего, себя и других людей, используя все известные им

возможности интерпретации и объяснения, направленного на уточнение понятого. Такой широкий взгляд на познание, связанное с пониманием, позволяет сделать вывод, что современная герменевтика расширяет свой диапазон участия, включая «живую материю» в контекст анализа, рассматривая ее не только как объект интерпретации (сравнивая различное понимание жизни в научном и историко-философском контексте), но как интерпретацию самых живых существ. И здесь следует заметить, что определенная исследовательская работа уже ведется в этом направлении. Например, на основе герменевтического подхода стали выделять различные типы биогерменевтического понимания, изучать многообразие растительного и животного мира, рассматривая его в контексте внутривидовой и межвидовой коммуникации, как это делает зоосемиотика, но на более фундаментальном уровне.

Так, в своей монографии под названием «Читатели книги жизни» [2] чешский физиолог и философ науки Антон Маркош обосновывает проблему герменевтического понимания знаковых процессов в живых системах и при этом исходит из идей Г.-Г. Гадамера [1, 214] и его экзистенциальной герменевтики. Исследования Маркоша привели к созданию биогерменевтической научной школы, выделившейся из такого направления, как биосемиотика. Между тем идеи, определившие биогерменевтику как новое направления в науке о живом восходят к известным философским положениям и к традиции рассматривать новое знание в контексте преемственности идей. Не случайно и Маркош, формулируя программу биогерменевтики, рассуждает о «природе знания» – ментально-понятийного или биологически материализованного как о знании, природа которого укоренена в восприятии, в истории и в структурах научных теорий, и в этом смысле «природа знания» является герменевтической. Но это не значит, что, обращая свой внутренний взор и погружаясь в контекст эволюционной биологии, следует думать лишь о понимании, связывая его с чьим-то конкретным, субъективным действием. Напротив, нам следует думать о погружении в контекст той биологической эволюции и эволюционной традиции, где прошлое и настоящее пересекаются, постоянно соотносятся друг с другом в нашей интерпретации живой природы. При этом исследователь (биогерменевтики) выдвигает положения и идеи, которые отражают факт наличия у исследователя понимания того, в контексте какой парадигмы ведется такая работа и какие подходящие перспективы концепции понимаются исследователем как адекватные самому предмету изучения. Например, для того чтобы понять, как функционирует организм ученому недостаточно описывать функционирование организма исключительно в рамках объективистской модели, поскольку такая модель не передает полностью то, как организм приспособился к среде путем «прочтения» им ситуаций, возникающих в среде [2, 120]. А это значит, что невозможно понять, чем обусловлен выбор способа реагирования организма на весь спектр и диапазон доступных ему возможностей. Эти «возможности» формировались на протяжении длительного периода эволюции, складывались в своеобразные биологические «тексты», которые буквально «вписаны» в организмы и выступают в качестве способа их реагирования в условиях развивающейся среды. В концепции биогерменевтики, которую развивает школа Маркоша, организм сам является «читателем книги собственной жизни», которую он унаследовал и которую он постоянно прочитывает заново. В этой парадигме даже генетический код рассматривает как текст, который интерпретируется живыми существами в контексте их жизни. Поэтому такого рода интерпретация, или «дешифровка» генетического кода, на самом деле раскрывает суть того, что уже предусмотрено или что предсуществует. Однако Маркош смотрит на этот процесс дешифровки как на упрощение и характеризует этот акт, используя понятие «знание», «создание смысла», «прочтение». У него акт дешифровки генетического кода есть, скорее всего, сам акт приобретения знания, создания смысла, когда знание и смысл возникают в результате такого «прочтения».

Таким образом, биогерменевтика устанавливает научно обоснованные рамки для понимания сущности биологического бытия, рассматриваемого в контексте его становления и развития и в целом показывает, что научное объяснение и понимание жизни никогда не является достаточным или завершенным. Фундаментальные исследования живых организмов связаны с изучением жизни на уровне ДНК и интерпретацию ДНК как программы, направляющей весь онтогенез. Это значит, что биогерменевтика допускает, что исследование живого может предполагать рассмотрение организма как автономного, чье существование может быть подвергнуто интерпретации. С другой стороны, она допускает, что живые существа могут быть рассмотрены как своего рода интерпретаторы собственного окружения, обеспечивающего их существование – именно эти аспекты позволяют выдвинуть предположение, что проблематика биогерменевтики может быть приближена к традиционным для экологии человека вопросам соотношения «человек – среда». Основанием для такого предположения как раз и является фактор жизни, изучаемой на самых разных уровнях ее организации.

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Markoš A. Readers of the Book of Life: Contextualizing Developmental Evolutionary Biology. Oxford; NewYork, NY: OxfordUniversityPress, 2002. - 214 pp.